

**Между историей и наукой:
к анализу проблемы причинности в экономике**

Тема, указанная в названии, возможно, слишком обширна для сколько-нибудь полного освещения в одной статье. Основное внимание будет уделено изложению и комментариям взглядов одного из классиков мировой экономической мысли XX в. Дж.Хикса, представленных в его книге "Причинность в экономической науке"[15]¹. Хотя книга была издана 15 лет назад, ссылки на нее и сейчас часты в работах о проблемах общеэкономической методологии².

Сравнительно небольшая по объему (около 130 с.), она написана очень плотно. Поэтому здесь не удастся отразить все соображения автора по теме "причинность в экономической науке". В центре внимания будут главные исходные положения и логика их развития от главы к главе, а также комментарии к тем положениям, которые выглядят наиболее далекими от наших традиций.

Большая часть комментариев сосредоточена во второй части статьи, чтобы по возможности не отвлекать внимание читателя от весьма своеобразного хода мысли Хикса. Однако некоторые комментарии целесообразно сделать уже сейчас, чтобы облегчить восприятие не совсем привычной трактовки причинности.

Особенность этой книги состоит в том, что Хикс здесь как бы беседует сам с собой, последовательно излагает свое понимание проблемы, не отвлекаясь на полемику с другими точками зрения. Следуя Хиксу, и мы ограничимся в начале работы самым коротким описанием ситуации, побудившей его уделить столько внимания методологии, что он даже написал именно специальную книгу, а не статью или серию статей, как это часто делается в англоязычной экономической литературе.

Непосредственным поводом к написанию этой книги явилась дискуссия по микрооснованиям макроэкономики, состоявшаяся в 1974 году и оставившая Хикса неудовлетворенным ее излишне узкой, по его мнению, направленностью. Поэтому здесь он сделал попытку выйти в методологическом поиске за рамки экономической науки вообще и микроэкономики в особенности. В более широком плане можно говорить о неудовлетворенности Хикса влиянием крайне прагматического подхода к экономической науке, представленного, в частности, в статье М.Фридмена "Очерки позитивной экономической теории" [12]. Согласно этому подходу, нереалистичность предпосылок не должна рассматриваться как недостаток соответствующей теории, если на их основе делаются правильные предсказания³.

Можно также предположить, что Хикса не вполне удовлетворяло не только стремление многих экономистов украшать свои работы эконометрическими аксессуарами, но и фактическое сведение экономической теории к математическим выкладкам, даже когда речь идет о причинности⁴. Именно это отличало большую (46с.) статью П.Самуэльсона "Некоторые заметки о причинности и телеологии в экономической науке" [25].

¹ Hicks J.R. Causality in economics, Basil Blackwell, 1979. В отечественной литературе сведения о ней имеются в предисловии Р.М.Энтова к книге Хикса "Стоимость и капитал" [9].

² См., например: [10], [19], [21], [26].

³ Как раз в это время появилась статья Л.Боланда [11] с характерным названием "Критика критиков Фридмена", в которой автор не защищал Фридмена, а выявлял слабые стороны в аргументах его критиков.

⁴ В 1976 г. в статье "Time in Economics" Хикс высказался более определенно: "I am very ignorant of science; thought I have dabbled in mathematics my spiritual home is in the Humanities"[16, p.280].

Таков, если коротко, экономический фон, на котором писал свою книгу Хикс. В это же время за пределами экономической теории, на общенаучном уровне, шли оживленные дискуссии, вызванные книгой Т.Куна "Структура научных революций", работами И.Лакатоса и его последователей, на которые Хикс прямо ссылается в своей книге⁵. Поэтому перейдем по возможности к столь же краткому введению в традицию понимания причинности, которой придерживался Хикс и, возможно, весьма отличной от привычной у нас.

Можно выделить два типа вопросов "почему...?", за которыми стоят два не сводимых друг к другу типа причинного объяснения, в равной степени претендующих на то, чтобы называться научными. Например, наблюдая каплю воды, можно задать такие вопросы: 1)"почему *эта* капля воды появилась *здесь и теперь*, в чем причина этого *события*?; 2)"почему *все* капли круглые, в чем причина этого *свойства* капель?". За первым вопросом не трудно увидеть один тип причинности, назовем его "событийный", а за вторым - другой тип причинности, назовем его "свойственный"⁶.

Хиксу, как и многим западным экономистам и другим ученым, ближе первый тип объяснения - "событийный", тяготеющий, возможно, к английским традициям научного знания, техники мышления. При этом для каждого отдельно взятого события-следствия в качестве причины ищется также конкретное событие (или события). Оно, в свою очередь, тоже может быть следствием и т.д. Этот подход с философской точки зрения можно назвать "методологическим индивидуализмом" (от латинского слова *individuum* - неделимое), поскольку в центре внимания остаются отдельные события, не расчленяемые на составные части⁷.

Нашей традиции, скорее, ближе второй тип объяснения, который ведет довольно прямо от эмпирического уровня к теоретическому, от явления к сущности, от единичного к всеобщему. В Европе, по-видимому, этой же традиции когда-то придерживались немецкие мыслители. Как философы (например, Г.Гегель), так и экономисты (например, Ф.Лист, делавший упор на национальном хозяйстве как органическом целом). По аналогии этот подход можно назвать "методологическим тоталитаризмом" (от латинского слова *totaliter* - целиком, во всем объеме).

"Событийный" тип объяснения имеет свою "логику действия", если так можно выразиться. Прежде всего, сама концентрация внимания на событиях волей-неволей уводит на второй план восприятие вещей, так или иначе участвующих в каждом событии, восприятие их особенностей, которые вообще-то могут иметь значение и для понимания самих событий. Например, если в центре внимания - изменения цен (в качестве событий- причин) и изменения количеств благ на сторонах спроса и предложения (в качестве событий-следствий), то свойства благ и даже особенности рыночных операций (обмен или аренда) не учитываются совершенно. Можно сказать, что при событийном подходе вещи остаются "вещами в себе" по Канту, и в теориях присутствуют как что-то идеальное, умопостигаемое - "идеальная жидкость", "*homo oeconomicus*" и т.п.

Далее, каждое отдельно взятое событие абсолютно фрагментарно и статично "по построению", по методу абстрагирования в процессе наблюдений. Этого нет, когда внимание концентрируется на вещи, которая все-таки обладает какой-то целостностью, живёт своей жизнью. Можно сказать, что "событийное" абстрагирование - это абстрагирование *от* жизни, тогда как "вещно-свойственное" абстрагирование - это абстрагирование *в рамках* жизни.

⁵ В 1976 году Хикс принял участие в конференции о методологии, посвященной памяти И.Лакатоса, где выступил с докладом "'Revolutions' in Economics" [16, pp.244-256].

⁶ Речь идет о научных (точнее, культурных) подходах, претендующих на системность, "монизм", а не о бытовом понимании объяснений, в котором возможны любые сочетания "чистых стратегий".

⁷ Этот же термин - методологический индивидуализм - используется в западной экономической теории для обозначения подхода, при котором в центре внимания оказывается отдельно взятый индивидуум (как правило, человек, но при не строгом подходе - и группа людей, фирма и т.д.), точнее, его поведение, реакция на изменения условий существования, на события.

ни. (Не случайно в логической системе Гегеля присутствует и категория жизнь - в третьей части, "Учении о понятии"⁸).

"Событийная" причинность описывает ситуацию, когда наблюдатель как бы исключает "из жизни" одно из событий (скажем, А) и после некоторых раздумий решает, что в такой измененной реальности не могло бы произойти и другое событие (скажем, В). В таком случае он утверждает, что А - причина, а В - следствие: $(A \rightarrow B)$. Эта схема объяснения, коротко выражаемая связкой $[(\text{не}A \rightarrow \text{не}B) \rightarrow (A \rightarrow B)]$, также имеющей вид импликации $[X \rightarrow Y]$, естественно переводит разгвор в сферу формально-логических построений, аксиоматик, грамматик языка и т.п. В XX в. на этом выросла аналитическая философия, созданная в основном англоязычными авторами.

Поскольку при "событийной" причинности ученый не только объясняет мир, но и творит его (точнее, объясняет через творение), он выступает как творец мира. (Возможно, русские религиозные философы начала XX в. назвали бы это религией человекобожества). Но поскольку он делает это только мысленно, всегда остаются проблемы: (1) соответствия "сотворенного мира" реальности; (2) внутренней согласованности "сотворенного мира" (непротиворечивости предположений, лежащих в его основе); (3) согласованности "сотворенных миров" различных ученых, оперирующих одними и теми же реальными событиями. По всем этим направлениям идут методологические дискуссии, в которых участвуют и экономисты. Но если в первом случае (соответствие теорий фактам) имеется хоть какая-то связь с реальностью, а во втором критерием истины выступают законы логики, то "риторика", возможно, самое подходящее слово для описания того, чем занимаются ученые-экономисты в третьем случае⁹.

"Свойственный" тип объяснения, как уже отмечалось, не может "обходить" вещь, абстрагироваться от жизни вещей - носителей свойств. События при этом рассматриваются постольку, поскольку они имеют отношение к жизни вещей, изменениям их свойств. Наблюдатель при этом не "творит мир", а "вживается в вещь", в её структуру, связи с другими вещами, не прикладывает к ней свою логику, а пытается понять логику её собственного существования. Бесконечное многообразие вещей ведет к разнообразию конкретных "свойственных" типов объяснения. Например, если в качестве вещи выступает циклический процесс, в котором постоянно воспроизводятся (появляются и исчезают) предметы одних и тех же типов, то, возможно, наиболее подходящей техникой мышления будет какой-либо вариант диалектики (например, Гегеля). Если же в качестве вещи выступает какой-нибудь конкретный серьезный текст, то, возможно, более подходящей техникой работы окажется герменевтика¹⁰.

Различия описываемых типов объяснения настолько велики, что ведут к разным представлениям о том, что такое наука, к разным эталонам научности. Например, с точки зрения "событийного" подхода рассуждения о сущности, превращенных формах и т.п. - это метафизика, схоластика и вообще все, что угодно, только не наука. А с точки зрения "свойственного" подхода попытки ограничиться событиями, объяснениями их ("поверхностных") связей - это вульгаризация, ничего общего с наукой не имеющая.

⁸ Жизнь: А. Живой индивид; В. Процесс жизни; С. Род – См. [4, с.216-232].

⁹ См., например, [19], [23]. Здесь же следует отметить работу Ф. Мировски [21] и ее недавнее обсуждение [23], заслуживающее самого пристального внимания.

¹⁰ Отметим попутно, что именно в герменевтике понимание было исследовано как циклический процесс (если коротко: "не всё понял - читай ещё раз"), в ходе которого происходит постепенное вживание одного субъекта (читателя) в индивидуальность другого субъекта - автора. Разумеется, сказанное отнюдь не исчерпывает содержание герменевтики как современного философского течения, альтернативного аналитической философии. Основы герменевтики заложил современник и соотечественник Г.Гегеля Ф.Шлеермахер (1768-1834).

Возможно, наблюдающееся уже около двух веков сосуществование в экономике "естественнонаучного"¹¹ (английского) и "исторического" (немецкого) направлений можно, хотя бы частично, разделить и по только что описанному различию типов объяснения. Не исключено также, что корни предпочтений того или иного типа объяснений скрыты в специфике разных типов культур.

В одном случае - "островной (прибрежной)", "локальной" культуры, более чувствительной к проблеме изменений, движения (прежде всего перемещения, транспортировки (дальней), торговли (внешней), рынка (мирового)...), и, следовательно, событий. Исторически она восходит к образу жизни первобытных кочевников, обладавших живым, но поверхностным умом (если судить по племенам, продолжающим жить так же), естественно включившимся в процессы транспортировки благ и торговли ими.

В другом случае - "континентальной", "глобальной" культуры, более чувствительной к проблеме границ, различий, статусов, короче, всего, что восходит к философской категории "свойство"¹². Исторически она восходит к образу жизни народов "речных цивилизаций Востока", перешедших от свободного, но не обеспеченного кочевого ("животного") существования к несвободному, но сравнительно обеспеченному оседлому ("растительному") с соответствующим сдвигом техники мышления от живости к медлительности, с одной стороны, и от поверхностности к углубленности - с другой.

Если так, то может оказаться плодотворным изучение особенностей традиций российской культуры с точки зрения выявления специфики техники мышления. В общем виде можно предполагать, что, как уже отмечалось, она должна тяготеть к "континентальной"¹³, но, в силу естественных пространственных факторов и незавершенности перехода к оседлому образу жизни, в ней должны быть сильны элементы и "прибрежной"¹⁴ техники мышления.

Вопрос об органичности имеющихся связей этих двух типов мышления и возможности дальнейшего их совершенствования, видимо, пока остается открытым. Попытка синтеза "континентальной" традиции в философии с "островной" традицией в экономической науке, предпринятая К.Марксом, осталась незавершенной¹⁵. Представление функционирования и развития буржуазного общества как (1)естественно-(2)исторического процесса оказалось делом более трудным, чем, возможно, казалось в начале. Завершить "Капитал" так и не удалось.

Вместе с тем, попытка такого синтеза, по-видимому, близка технике мышления, преобладавшей в нашей стране на протяжении многих веков, что не только способствует лучшему пониманию причин популярности идей Маркса в России уже в последней четверти XIX в., но и позволяет предположить возрождение интереса к ним по мере осмысления и развития собственных традиций мышления.

Термин "причина" не очень популярен среди экономистов, работающих в "прибрежной" традиции мышления. Показательна в этом отношении позиция А.Маршалла. Признав, что на содержание идей, выдвинутых в "Принципах экономической науки" в наибольшей мере повлияли континентальные(!) исследования (включая "Философию истории" Гегеля),

¹¹ Вообще говоря, и в естественных науках можно обнаружить области, ориентированные не на "события", а на "вещи" и их свойства. Например, к ним можно отнести химию. Вряд ли случайно химия получила преимущественное развитие в Германии, (а физика как экспериментальная наука - в Англии?).

¹² В современной западной методологической экономической литературе выражения типа: "континентальная традиция в философии", "англо-американское аналитическое мышление" используются как вполне рабочие термины. См., например: [20, pp.111, 113].

¹³ Наиболее выдающийся её пример в отечественной науке - периодическая система элементов Менделеева.

¹⁴ Может быть, её красноречивый пример опять-таки в науке - геометрия Лобачевского, жителя прибрежной Казани. Достаточно известные примеры традиций "оседлости" и "кочевничества" в литературе - Пушкин ("домосед") и Лермонтов ("скиталец").

¹⁵ Его стремление разграничить научные и "вульгарные" элементы в работах Смита, Рикардо и других экономистов, возможно, свидетельствует о "континентальной" методологической рефлексии над чужеродным для неё материалом.

он отметил, что форма их изложения следует иной традиции¹⁶. "Курно учил, что при изучении различных аспектов какой-либо экономической проблемы задача заключается *не в том, чтобы рассматривать их как последовательно детерминирующие друг друга в цепи причинных связей* - А определяет В, В определяет С и т.д., - а в том, чтобы видеть взаимное воздействие всех их друг на друга¹⁷... Следуя учению Курно и в меньшей степени фон Тюнена, я стал придавать большое значение тому факту, что наши представления о природе... относятся не столько к совокупности количеств, сколько к *приростам* количеств"[8, с.49]¹⁸.

В упоминавшейся статье П.Самуэльсон сразу оговаривается, что он будет говорить не о "Космической Причинности", а о "причинности с маленькой буквы", как она встречается в рядовых экономических исследованиях [25, р.99]. В связи с этим само вынесение Хиксом термина "причинность" в заглавие книги выглядит как своего рода вызов традиции, в которой работал он сам.

Казалось бы, "событийная" причинность должна быть очень динамична в противоположность "свойственной" причинности, которая, вроде бы, должна быть статичной. Учитывая ведущую роль статического подхода в современной экономической теории, это должно ставить немалые методологические трудности перед автором книги "Причинность в экономической теории". У Хикса есть свой взгляд на эти трудности и предложения по их разрешению.

Уже во "Введении" Хикс предлагает переосмыслить понятие статики. По его мнению (р.р. x-ix¹⁹) вся экспериментальная наука является статической постольку, поскольку время проведения эксперимента не имеет никакого значения. Сам принцип повторимости эксперимента, фундаментальный для наук этого типа, как бы исключает реальное, историческое время. Весь престиж научности, к которому так стремятся экономисты, опирается на этот принцип, хотя в самой экономике найдется очень немного проблем, которые можно было бы обсуждать именно в этом ключе. В ней гораздо больше изменений, появления новых вещей, хотя бы и похожих в чем-то на старые. Поэтому "динамика" в экономике, по крайней мере, не менее важна, чем "статика". Причем не привычная динамика как отрасль механики (она как раз остается целиком в "статике", в экспериментальной науке), а историческая динамика. Поэтому, как только экономика выходит за рамки "статики", она становится меньше похожей на науку и больше - на историю с ее отсутствием полноты, фрагментарностью. Связанная с этим неопределенность заставляет с крайней осмотрительностью обращаться с вероятностными вычислениями ("наименьшие квадраты", "доверительные интервалы"), которые в последнее время стали как бы символом респектабельности публикаций на экономические темы (р.xii).

Несмотря на отсутствие формального деления книги на разделы, в книге Хикса можно выделить три части, весьма логично связанных между собой: общеметодологический (три первые главы), общеэкономический (четвертая и пятая главы) и макроэкономический (шестая и седьмая главы). "Сверхзадача" Хикса в этой книге - анализ причинности в кейнсианской теории, содержащийся в третьей части. Первые две постепенно подводят к ней методом движения от общего к частному.

Для начала Хикс рассматривает три обстоятельства, по которым экономистам следует разбираться в причинности. Первое связано с крайним несовершенством экономического знания. Когда наряду с определенным знанием встречаются лишь элементы неопределенности, их можно как-то встроить в общую картину и получить знание, близкое к определенно-

¹⁶ Строго говоря, в "континентальной" традиции причинность тоже не считалась "последним словом" понимания действительности, но с несколько иным объяснением, чем у А.Маршалла. Например, Гегель причинность (и взаимодействие) рассматривал в рамках "учения о сущности", выступавшего как связующее, посредующее звено между учениями о бытии и о понятии как крайними элементами в рамках триады "единичное- особенное- всеобщее".

¹⁷ Являются ли А, В, С... событиями, вещами или и тем и другим - остается неясным. - Л.Г.

¹⁸ Т.е. к событиям? Курсив везде мой. - Л.Г.

¹⁹ Здесь и далее ссылки на [17] - Л.Г.

му (со снижающейся неопределенностью). Если же полуопределенное знание - типичный случай, то картина становится совершенно иной. Именно это обстоятельство выводит экономическую теорию на периферию, границу науки (the edge of the sciences - p.2)²⁰.

Второе обстоятельство - связь между экономической теорией и временем. Большинство фактов, с которыми имеет дело экономист, фиксируется в реальном историческом времени, что заставляет его быть особенно ответственным в отношении времени. В этом смысле экономисты напоминают тех ученых-естественников, которые не имеют собственных экспериментальных возможностей (астрономов, геологов). Каждая из не экспериментальных наук имеет свой собственный календарь (p.3).

Экономист занимается будущим в той же мере, что и прошлым, но начинает он всегда именно с прошлого, которое снабжает его фактами, используемыми для обобщений - основы предсказаний и советов "плановикам". В чисто историческом исследовании последний элемент отсутствует. Историк - всегда в прошлом, даже когда он извлекает "уроки прошлого" и руководствуется при этом ценностями своего времени. "Историк занимается прошлым в его связи с настоящим, а экономист - настоящим и ради него - прошлым" (p.4).

Поэтому экономическая теория расположена не только на границе науки, но и на границе истории. И Хикс предполагает, рассматривая экономическую теорию, светить в обоих направлениях с этой ключевой позиции. Но эту же позицию, по его мнению, занимают и другие общественные науки - политология и социология.

Вот тут и вводится в рассмотрение третье обстоятельство, которое позволяет отделить экономику от других общественных наук. Экономисты уделяют особое внимание "принятию решений" и последствиям их реализации, что ведет к весьма глубоким выводам, которые Хикс далее и рассматривает, используя не очень привычные для нас понятия "старой причинности" и "новой причинности"²¹.

"Старая причинность", особенно характерная для XVIII века, тесно связывает причинность с ответственностью. Если событие В есть следствие решения А как его причины, то следствие В трактуется как *последствие*, ответственность за которое несет субъект, принявший решение А²². Аналогия с судебным расследованием тут видна невооруженным глазом. "Кто-то убит, кто убийца?"(p.5)²³. Хикс называет такое понимание причинности теологически-юридическим, поскольку при отсутствии какой-либо персоны, ответственной за появление каждого события (или хотя бы каждого важного события), приходится "объяснять" его "делом Бога". И хотя со временем область "человеко-причинности" постоянно расширялась, вытесняя "сверхъестественную причинность", субъектность причины сохранялась, а вместе с ней сохранялась и проблема морального обоснования "сверхъестественных действий". Решение, по мнению Хикса, было найдено философами просвещения, Юмом и Кантом²⁴, к которым он добавил историка Гиббона. Состоит оно в том, что задача причинности - только объяснение, но когда мы объясняем, мы не обязаны ни хвалить, ни осуждать. Объяснение и одобрение (или неодобрение) - разные вещи (p.7).

Что же имеется в виду, согласно "новой причинности", когда говорится, что А - причина В? Под А имеется в виду некое событие, случившееся в определенное время в прошлом, а под В - другое событие, которое для начала можно рассматривать как случившееся позже. Причинная связь между этими событиями означает, что если нет события А, то не

²⁰ Нетрудно заметить, что "наука" здесь понимается как что-то несовместимое (или почти несовместимое) с неопределенностью.

²¹ Не пользовался ими и Самуэльсон в упоминавшейся статье [25]. См. также во второй части данной статьи первый комментарий.

²² Не трудно заметить, что вопрос "кто виноват?", столь любимый у нас, не так уж оригинален.

²³ Первая глава в [25] названа: WHO KILLED COCK ROBIN?.

²⁴ Хотя Кант, всю жизнь проживший в одном городе - Кенигсберге, - немецкий философ и даже основатель "немецкой классической философии", близость его к "прибрежной" технике мышления (Кенигсберг-Калининград - портовый город), отразилась, в частности, в повышенном внимании к пространству и времени как априорным формам чистого разума.

будет и события В, [(не-А→не-В)→(А→В)]. Но фактически событий не-А и не-В не было. О них можно говорить только как о теоретических реконструкциях действительности. Поэтому причинная связь А→В - всегда опирается на теорию, хотя бы самую рудиментарную. Вместе с этим в утверждении причинности теория всегда оказывается примененной (р.8), не остается "чистой" теорией. Теперь можно говорить о причинной связи между историческими событиями А и В только в том случае, если нашлась или удалось придумать теорию, в которую А и В вписываются как логическая связка (А→В).

Это совсем не значит, что каждое событие может быть включено в какую-либо теорию, что каждое событие имеет причину среди других наблюдаемых событий. Поэтому новая причинность (в отличие от старой) отнюдь не претендует на полноту описания действительности, с самого начала признает фрагментарность, несовершенство знания "законов природы". Но как раз неполнота и несовершенство наличного знания дают возможность его дополнения и усовершенствования. А потому нет событий, которые нельзя было бы попытаться объяснить (р.9).

Смит, будучи другом Юма и введя слово "причина" в название своей знаменитой книги ("Исследование о природе и причинах²⁵ богатства народов"), конечно же, исходил из "новой причинности" и понимал нескончаемость процесса совершенствования экономического знания. Но как раз в экономической науке "новая причинность" вынуждена быть гораздо ближе к "старой причинности", чем в естественных науках, поскольку она имеет дело с действиями людей, их решениями. Борьба между свободой воли и детерминизмом, столь характерная для последних дней "старой причинности", все еще имеет смысл у экономистов.

Точка зрения Хикса сводится к следующей формуле: решение - свободно, его последствия - детерминированы (pp.10-11)²⁶. Таким образом, экономист должен иметь как бы двойное зрение, уметь видеть каждое событие "ex ante" и "ex post". Экономисту, изучающему прошлое ради настоящего, необходимо видеть прошлое как изнутри, с точки зрения самого прошлого и имевшихся в нем возможностей выбора, так и со своей собственной точки зрения, осознавая при этом "неисправимость" прошлого никакими решениями в будущем. Такое двойное видение позволяет: избавиться от волюнтаризма, обращенного в прошлое (и возвращающего к старой причинности); сжать детерминизм, обращенный в будущее (до "области допустимых решений") и, наоборот, освободить детерминизм, обращенный в прошлое (р.11).

Дистанцировавшись от теолого-юридической трактовки причинности, Хикс переходит к формальному анализу различных причинно-следственных связей. Прежде всего, формулируется понятие слабой причины, когда А - только одно из нескольких событий, исключение каждого из которых может вести к неоявлению события В. Естественно, что при этом альтернативой является сильная причина, на которую по "старой причинности" ложится вся ответственность за появление следствия.

В рамках слабой причинности Хикс выделяет сепарабельную (разделимую) и комплексную, когда событие А рассматривается, соответственно, как самостоятельное, или как часть другого события.

²⁵ То, что рядом с "причинами" и даже перед ними в заголовке указана "природа" богатства, свидетельствует о том, что Смит, как мыслитель, выходит за рамки "прибрежной" традиции. Это естественно, поскольку в экономику он пришел из "моральной философии" (см., например, A. Smith, *Theory of Moral Sentiments* (1759)), имеющей дело с "природой человека". Рикардо активно участвовал в практической финансовой жизни, от которой он не абстрагировался и в теории. Только с появлением Милля, специалиста по формальной логике, "прибрежная" традиция в английской политической экономии стала явно доминировать, готовя тем самым почву для "economics".

²⁶ Нечто похожее в нашей экономической литературе было опубликовано в 1912 году: "...В мировой цепи механической причинности включены звенья абсолютно-индивидуального характера, благодаря которым в данных точках причинность преломляется по-новому" [3, с.215].

В случае сепарабельной причинности различаются аддитивная и альтернативная причинность (в первом случае необходимо одновременное появление всех причин, во- втором - достаточно одной из них).

В случае же несепарабельной причинности возникает необходимость рассмотреть связь между событиями (скажем, A и A^*), каждое из которых выступает как слабая причина события B , но немыслимо без одновременного существования другого. С формальной точки зрения в рамках новой причинности между A и A^* образуется что-то вроде взаимной причинной связи ($\text{не-}A \rightarrow \text{не-}A^*$, $\text{не-}A^* \rightarrow \text{не-}A$). Конечно, следуя Юму, мы не можем назвать эту связь причинной, т.к. между событиями A и A^* нет разрыва во времени, но, согласно Канту, ее можно назвать взаимно-причинной (р.19). Хикс называет этот тип причинности одновременным и уделяет ему далее весьма много внимания.

Затем Хикс разделяет одновременные и последовательно (во времени) действующие причины, что позволяет ему последующие рассматривать как управляющие по отношению к предыдущим. Среди последующих он выделяет позитивные и негативные в зависимости от того, ведут они к появлению следствия, или нет.

Здесь же он помимо обычной последовательной и только что объясненной одновременной вводит еще и статическую причинность как предельный случай одновременной. Предел здесь получается за счет растяжения до бесконечности периода, в течение которого действует одновременная взаимная причинность.

Типичным примером статической причинности, по мнению Хикса, является гравитационное взаимодействие планет и связанное с этим изменение траекторий их движения. Что же касается собственно экономики, то здесь в качестве примера трансформации одновременной причинности в статическую он упоминает переход от краткосрочного периода рассмотрения поведения агентов к долгосрочному, введенный А.Маршаллом.

Итак, в отношении времени Хикс предлагает различать три типа причинности - последовательную, одновременную и статическую²⁷. В рамках каждой из них, по его мнению, применима логическая классификация на сильную и слабую причинность, суммарную и альтернативную, позитивную и негативную, одностороннюю и взаимную. Но в любом случае разговор о причинности приводит к обсуждению теории, которая и должна применяться для обнаружения причинной связи событий.

Причинность - это всегда связь между фактами, но связь теоретическая. Как же возможна теоретическая связь между реальными фактами (р.27)? По мнению Хикса, к его решению можно подойти, приняв во внимание, что $\text{не-}A$, - это не все мыслимые вещи, кроме A (то же можно сказать и о $\text{не-}B$), а некие относительные альтернативы, *вещи* того же класса, что и A (и, соответственно, B), но в чем-то от нее отличающиеся. Например, *свойство α* есть у A , но его нет у всех $\text{не-}A$ (аналогично со свойством β у B). Тогда, следуя теории, надо сказать: $\text{не-}\alpha$ ведет к $\text{не-}\beta$. Причинность - это всегда связь между фактами, но связь теоретическая. Как же возможна теоретическая связь между реальными фактами? Этот парадокс давно беспокоит философов (р.27). По мнению Хикса, к его решению можно подойти, приняв во внимание, что $\text{не-}A$, - это не все мыслимые вещи, кроме A (то же можно сказать и о $\text{не-}B$), а некие относительные альтернативы, вещи того же класса, что и A (и, соответственно, B), но

²⁷ "Сэр Джон был, несомненно прав, поднимая вопрос об "одновременной причинности", но это кажется мне открыванием ящика Пандоры" - отметил Шэкл в рецензии на эту книгу и пояснил, что, в отличие от физики, где есть гравитация и магнетизм, имеющие универсальное действие в неживой природе, в экономике мы встречаемся с действиями индивидов, а в качестве причин выступают впечатления, восприятия, предположения и т.п. [26, р.99].

Другая традиция в науке (см., например, [22]) рассматривает обычное (последовательное) причинное объяснение лишь как частный случай объяснения. В этом случае то, что Хикс описывает как одновременную причинность, называется объяснением через взаимодействие, взаимосвязь. См. также ниже второй комментарий.

в чем-то от нее отличающиеся. Например, свойство α есть у А, но его нет у всех не-А (аналогично со свойством β у В). Тогда, следуя теории, надо сказать: не- α ведет к не- β ²⁸.

Но это возвращает к исходному парадоксу, сформулированному несколько иначе: как одно свойство может имплицировать другое? Обычно импликация (вывод) характеризует связь утверждений (proposition), а свойство - не утверждение. Хикс продолжает развивать мысль, вводя различие индуктивной и дедуктивной (логической) импликации. Точнее, индуктивной ассоциации свойств и логической импликации утверждений. Если не заниматься чистой теорией, где все опирается на аксиомы, то начинать надо с индуктивных утверждений. Но могут ли базовые утверждения быть чисто индуктивными?

Достаточно, считает Хикс, чтобы ассоциативное утверждение, хотя бы и чисто индуктивное, могло бы быть имплицативным (выводным) и в логическом смысле. Некоторые импликации могут быть проверяемы. Если тест успешен, то мост между двумя индукциями построен. В качестве примера Хикс приводит открытие гравитации Ньютоном, в распоряжении которого были, с одной стороны, опыты Галилея по движению шарика по наклонной плоскости (с постоянной горизонтальной скоростью и с постоянным ускорением по вертикали к центру Земли) и измерения Кеплером движения планет. И в том, и в другом случае наблюдалась одна и та же эмпирическая закономерность "равные площади в равное время". Предположив существование логической связи между двумя чисто эмпирическими утверждениями (в виде общего закона гравитации), Ньютон вывел его формулу, в которой сила обратно пропорциональна квадрату расстояния (р.р.30-31). Но силу теории (правильной, конечно), придают не только её эмпирические подтверждения, число которых всегда конечно, но и то, что её логика выводит на новые наблюдения, которые, в конце концов, могут "опровергнуть" теорию, показать ее ограниченность и необходимость замены ее новой (например, теории Ньютона - теорией Эйнштейна).

Если формальный аппарат для логической импликации отсутствует, то науке приходится ждать соответствующего развития математики. Те же наблюдения Галилея и Кеплера были сделаны задолго до того, как Ньютон "пришел на сцену" (р.33).

С каких же первичных наблюдений можно начинать, когда нет совсем никакой теории? Хикс отмечает, что даже самая примитивная индукция предполагает отнесение феномена к какому-нибудь классу объектов или событий²⁹. Поэтому классификация представляет собой как бы донаучную стадию (поскольку теории здесь еще нет), или "первоначальную", поскольку всякая наука начинается с предварительной классификации (которая позже может многократно пересматриваться).

В экономике предварительная стадия вполне узнаваема. Так же, как в естественных науках первые шаги делали не ученые, первые шаги в экономике делали не экономисты (администраторы, таможенники, сборщики налогов и т.п.). И, как и в естественных науках, первые классификации были ненаучные или полунанучные, а первые усилия ученых были направлены на улучшение классификаций. Причем в экономике и сейчас такая активность остается главной. Экономика все еще остается наукой описательной, "дескриптивной", не пытающейся объяснить (р.37).

Закончив этой жесткой формулировкой общеметодологическую часть, Хикс тут же переходит как раз к объяснениям в экономической теории. Причем объяснениям, ориентированным на естественнонаучные стандарты, сформулированные уже более 200 лет назад. Экономическим аналогом естественнонаучных констант являются "постоянные факторы".

²⁸ Не трудно заметить, что здесь Хикс переходит от *событий* А, В к *вещам* (things - р.27) и их *свойствам*, тем самым сменив тип причинного объяснения, но не оговорив этого. Невнимательное отношение к различию в реальности событий и вещей - скорее правило, чем исключение не только у экономистов, но и у философов прошлого, в т.ч. диалектиков. Между тем, можно показать, что изменения и вещи образуют диалектическую пару, поскольку определяемы только друг через друга. Сознательное проведение этой точки зрения имеет значение и для экономической науки (См. подробнее: [5, гл.2: Диалектика предметности и изменчивости]).

²⁹ И опять Хикс не проводит качественных различий между событиями и вещами.

Именно с ними связан упор на статическую причинность и равновесие как инструмент теоретического анализа.

Для начала Хикс разбирает пример из истории экономической науки. В своей книге Смит отметил, что благодаря относительной дешевизне водного транспорта по сравнению с сухопутным промышленность развивалась (в его время) около морей и судоходных рек, что делало эти места относительно более богатыми, чем соседние³⁰.

Главный вопрос для Смита - связано ли относительное обогащение прибрежных городов с относительными издержками (р.41). В его аргументации выделяются следующие пять шагов: 1) экономия от специализации, представляющая собой эмпирический факт; 2) относительная дешевизна водного транспорта, которая тоже эмпирически наблюдаема; 3) местные преимущества, выводимые дедуктивно; 4) реализация местных преимуществ в их относительном благополучии; 5) эмпирическая проверка утверждения "места с хорошей водой богаче соседних".

Смит не мог проверить главное - четвертый пункт, который Хикс называет "экономическим принципом" и считает гораздо более широким, чем "мотив прибыли" (р.42). Смысл его в том, что люди обычно действуют "экономически", т.е. если у них появляется возможность улучшить свое положение, то они обязательно это делают³¹. Такое поведение наблюдается, но можно ли назвать экономический принцип просто эмпирическим? Вряд ли Смит так считал, т.к. он видел много самых разнообразных трудностей на пути его реализации. Тем не менее, он считал, что его распространение неизбежно, во всяком случае, на той стадии "капитализма", свидетелем которой он сам был (р.44).

Экономисты и сейчас предпочитают начинать с предпосылки, что люди пользуются возможностями, и лишь затем, в частных применениях, смотрят на препятствия на пути реализации этого принципа. Но даже если препятствий нет, остается вопрос - как быстро будут использованы возможности? Здесь-то и появляется метод равновесия, работающий в рамках статической причинности (р.45).

Когда Смит утверждал, что дешевый водный транспорт ведет к относительному обогащению отдельных мест, он должен был строить теоретическую модель ("при прочих неизменных") во времени. Таков первый смысл того, что модель должна быть равновесной.

Второй, более глубокий смысл равновесия в том, что все возможности, описанные в модели, будут действительно использованы. Но, вообще говоря, экономический принцип вовсе не гарантирует равновесия. Это хорошо видно из "теоретико-игровых" формализаций, которые родились из экономических приложений, но вышли сейчас далеко за их границы.

Тем не менее экономисты считают свои модели равновесными, особенно статические (р.46). В этих моделях цены показываются как определяемые техническими характеристиками. Если эти технические характеристики меняются, то меняются и цены, а потому можно говорить о причинно-следственной связи между изменениями технических характеристик и цен, причем о статической причинной связи. Во времена Смита (а во многом и сейчас) технологические коэффициенты были довольно устойчивы и это помогало объяснить международную торговлю (через различия в трудоемкости) - в этом сила таких моделей. Но круг проблем, решаемых с их помощью, весьма ограничен. Строго говоря, все такие модели однофакторны или сводимы к однофакторной ("трудовой теории ценности") по соответствующим технологическим коэффициентам (р.47).

Двигаясь как бы в обратном направлении, Хикс переходит от статической причинности как предельного случая одновременной к собственно одновременной. Когда в методологической части рассматривались "технические" характеристики различных типов причинно-

³⁰ Предпочтение водного транспорта в качестве case-study Смитом, а за ним и Хиксом, вполне соответствует "прибрежному" менталитету, о котором говорилось в начале статьи, однако сравнительный анализ разных вещей ("мест") больше соответствует "континентальному" менталитету. Выше уже отмечалось, что Смит "не вписывается" в строгие рамки стандартов научности (ни тех, ни других). По сути дела, не вписывается в них и Хикс, несмотря на демонстрируемое им следование "естественнонаучному стандарту".

³¹ См. ниже третий комментарий.

следственных связей, отправным пунктом были отдельно взятые события: A_1, A_2, \dots, B в качестве фактов, с которыми оперирует теория. Такова естественнонаучная традиция, одинаково общая старой и новой причинности. Но в экономической теории, особенно в макроэкономике, подчеркивает Хикс, фактами являются не события (т.е. что-то уникальное), а "статистические ряды" (по возможности однородные) (р.62). Это малоприятное обстоятельство во многом объясняет интерес экономистов к феномену "одновременной причинности"³².

Современные экономисты много знают о "потоках" и "запасах", на которые разделяются статистические ряды, из работ по счетам - национальным и обычным бухгалтерским. Знают они и о том, что "счетные периоды" отличаются от "периодов" в статистике. Это содержательное отличие (при возможном полном формальном сходстве) состоит в том, что запас на начало периода выступает как лимитирующий фактор, как одна из причин возможных изменений внутри периода. Запас на конец периода в этом смысле не является лимитирующим фактором (р.64).

Поэтому соединение потоков и запасов в экономике (в их причинно-следственных связях) дело более трудное, чем в счетоводстве, отмечает Хикс. Успех здесь возможен лишь скромный, но иногда приходится добиваться хотя бы этой малости³³. Такая ситуация встречается уже в простейшей модели спроса, с которой имеет дело эконометрика.

Когда мы пишем $y_t = Sa_i x_{it}$, возникает ряд серьезных вопросов. Во-первых, откуда мы знаем, что скаляр y - следствие вектора x ? Ведь и y , и все x_i - потоки в одном периоде. А если поменять y и одну из компонент вектора x , появится ли новая причинная связь? Во-вторых, как выбрать, какие x_i включать в модель. Ведь невозможно проверить все переменные. Поэтому нам самим приходится решать, что включать в список для проверки, а что - нет. Иногда мы этого не делаем, считая все очевидным. Но причинный анализ всегда опирается на теорию, поэтому он не так очевиден, как кажется. На самом деле мы должны сделать ряд предположений, некоторые из которых окажутся довольно сильным огрублением реальности.

Прежде всего, мы обязаны предположить, что выбор - свободный. Тогда количество покупок - следствие, а решение о покупке - причина. Далее, мы предполагаем, что покупатель следует экономическому принципу - улавливанию выгод, если это возможно. Это понимали уже классики (Смит и Рикардо) по отношению к производителям, а маржиналистская революция перенесла этот принцип и на поведение потребителя, который "максимизирует полезность". Следом мы должны предположить неизменность "функции полезности" (или предпочтений) во времени. Это - весьма сильное предположение для эконометрики. Поэтому приходится вводить дополнительную классификацию результатов, разделяя их на: а) объяснимые через "экономическую реакцию на изменения" и б) все остальное, включая изменения численности населения, его половозрастной структуры, образования и т.п. Все это - весьма возможные причины, но мы должны оценить, как далеко заходит их влияние.

Только теперь в векторе x остаются доход и цены товаров. Но все ли цены? Теперь надо предположить стабильность большинства цен. Иначе приходится конструировать что-то вроде "сопоставимых цен", искусственных денег для измерения цен и доходов. Но существуют ли такие методы дефляции в периоды денежных потрясений? (р.69). Этот вопрос Хикса более чем актуален сейчас для нас.

И все это хорошо, продолжает он, только для товаров текущего спроса (non-durable). Только здесь можно говорить о причинах-потоках. Но даже для таких товаров возможна причинная зависимость от запасов (товаров длительного пользования - durables). Например, "поток" бензина зависит и от "запаса" автомобилей, т.е. покупок автомобилей в предыдущий

³² См. ниже четвертый комментарий.

³³ Можно заметить, что "потоки" - это прежде всего события (производство, потребление, инвестирование и т.п.), а "запасы" - вещи (определенное количество вещей с одинаковыми свойствами в какой-то момент времени). Попытка интерпретировать их "на равных" как причины (событий?) представляется неявным смешением альтернативных подходов к причинности.

период. Но это уже не одновременная причинность. Можно, конечно, поиграть с отодвиганием начала периода, но реалистичнее считать, что запас машин действует как причина в течение периода по отношению к топливу. Причем запас этот меняется за счет новых покупок и выбытия старых машин (р.70).

Если теперь перейти к самим автомашинам, то встретятся новые затруднения. Надо одновременно рассматривать спрос и на поток, и на запас. Предположим, что поток новых автомашин отсутствует, тогда весь рынок автомашин оказывается рынком запаса подержанных машин. Но какого запаса - "точечного" или "периодового"? К тому же, хотя каждый отдельный собственник волен выбирать - продолжать пользоваться машиной или продавать ее, в целом свободы выбора нет и, следовательно, величина запаса выступает как причина по отношению к уровню цен, причем причина одновременная (р.72).

Добавив к этому поток новых машин, мы получим два рынка автомашин - новых и подержанных, цены на которых связаны весьма сложной причинностью. Подобная ситуация возникает при рассмотрении любого товара длительного пользования. Более того, совершенно аналогичная ситуация возникает, когда на макроуровне рассматривается запас капитала.

Первым, кто оценил это в полной мере, был Кейнс, но Хикс здесь сразу оговаривается, что речь пойдет о формальной кейнсианской теории, излагаемой в учебниках и далеко не отражающей всего богатства идей самого Кейнса.

Эта формальная теория включает три части: (1) потребительская функция, которая связывает доход Y с инвестициями I ; (2) предельная эффективность капитала, которая связывает инвестиции с уровнем процента (r); (3) предпочтение ликвидности, которое связывает уровень процента с количеством денег (M).

И I , и Y измеряются за период, поэтому первая причинная связь - "потоковая", но M - это запас, поэтому третья причинная связь - "запасовая". Статус второй не так очевиден. Кривая спроса, связывающая спрос на товары за период с их средними за тот же период ценами может трактоваться как "потоковая" зависимость. То же может казаться справедливым и для связи между инвестициями и процентом, но здесь имеются проблемы.

Более подробное рассмотрение этих трех связей Хикс начинает с потребительской функции и мультипликатора. Причем из двух версий теории мультипликатора - последовательной (во времени) Кана и одновременной Кейнса, он в данном случае имеет дело только со второй(р.74).

Здесь применяется весьма своеобразный метод равновесия, который Хикс иллюстрирует на квазиисторическом примере "данных за 1975 год". Мы знаем факты этого года - инвестиции и доход - и нам надо сравнить их, трактуя одно как причину (экзогенную и меняющуюся), а другую - как следствие. Но изменений (причины) уже нет, мы можем только теоретизировать. Поэтому нужна модель, в которой один экзогенный параметр варьируется, а остальные, по возможности, остаются неизменными.

Кейнс справедливо настаивает, чтобы модель строилась последовательно, чтобы она обязательно включала равенство сбережений S и инвестиций (экспорт-импорт, налоги и правительственные расходы в данном случае самостоятельной роли не играют). Теперь, если есть связь: изменение $Y \rightarrow$ изменение S , то есть и связь: изменение $Y \rightarrow$ изменение I , причем количественное изменение причины по абсолютной величине превышает количественное изменение следствия ($DU > DI$). Если теперь те же связи рассмотреть в обратном порядке, то увеличение на единицу инвестиций приводит к увеличению дохода более чем на единицу, что и называется эффектом мультипликатора. Именно этот вариант (инвестиции - экзогенная величина) предпочитал Кейнс. Но насколько он сам почитал свою функцию сбережения (или потребления)? Известно его скептическое отношение к эконометрике, фундированное глубоким пониманием теории вероятности. Ему трудно было бы представить себе функцию потребления, рассчитанную для целей анализа в "1975г." по индукции из поведения дохода и сбережений в предыдущие годы. Поэтому он не мог бы ее видеть применяемой на практике,

"для тонкой настройки", как это часто представляется многим. Естественнее считать ее чисто теоретической функцией, вытекающей из других аспектов поведения в экономике (p.76).

Основной вопрос функции потребления - какова пропорция между потреблением и сбережением - прямого ответа не имеет. Мы можем лишь постулировать рациональность поведения индивидов и высказывать предложения, что такие индивиды будут делать (или хотя бы пытаться делать) в типичных ситуациях, полагает Хикс. Скорее всего, Кейнс этот оптимум понимал просто как проблему выбора между запасами на будущее (неопределенное) и удовольствием сейчас, которые всегда выступают как относительно ненасыщаемые конкурирующие альтернативы (p.77).

Все, что мы знаем о "1975 г." - это реализованные сбережения, и мы никогда не узнаем, какие сбережения планировались. В модели также нет информации о реализованных сбережениях и, следовательно, необходимо еще одно предположение - о равенстве планируемых и реализованных сбережений, как необходимом условии равновесия в модели. Поэтому использование "потребительской функции" для установления "мультипликатора" Хикс считает примером метода равновесия (p.78).

Но в каком смысле понимается здесь равновесие? Вряд ли в том же, что и на предыдущих страницах. В "статике" предполагается, что все используют имеющиеся возможности. В частности, в поведении потребителей предполагается, что они максимизируют полезность. Сбережение же - активность во времени, во временном измерении, которое в предшествовавших случаях опускалось. Здесь же время не игнорируется, а потому "ловится" оптимум, связанный именно с ним. Поэтому вроде бы можно считать, что здесь мы имеем дело с простым продолжением концепции равновесия, отнесенной к сбережениям.

Итак, необходимо настаивать на том, что равновесие - характеристика модели. Но как тогда быть с безработными, с их поведением? Надо просто принять, отмечает Хикс, что безработица - это один из экзогенных параметров наряду с другими и признать, что равновесие вообще никогда не бывает действительно "общим". Всегда можно найти какие-то нереалистичные предположения. Например, у Вальраса имеется запрет на коалиции, а Маршалл прямо использовал термин "частичное равновесие". Именно его линию и продолжил Кейнс, перейдя к экономике в целом (p.79).

Завершая анализ первого уравнения, можно также отметить тщетность попыток опереться на теорию мультипликатора при принятии политических решений, способствующих увеличению инвестиций в надежде оживить экономику. Даже если какие-то решения политиков направлены на увеличение инвестиций, их реальная динамика определяется массой других факторов, не зависящих от политиков. И даже если удастся посчитать эффекты первого круга, дальше продвинуться невозможно. А именно вторичные эффекты и являются сферой применения мультипликатора (p.80).

Посмотрим теперь на вторую связь: предельная эффективность капитала, инвестиции как функция от процента. Несомненно, что Кейнс считал процент причиной, а инвестиции - следствием. К сожалению, он употребил название "предельная производительность капитала" в соответствии со статическим подходом, хорошо известным его читателям. Но концепция Кейнса отнюдь не статическая, она "вперед-смотрящая" (forward-looking - p.80).

Трудность состоит в том, что ожидания влияют на выбор, но не контролируют последствий, не управляют ими. Скажем, если в январе весь год еще впереди и второе полугодие представляется сравнительно далеким будущим, то в июле тот же период, особенно его начало, воспринимается в контексте текущих событий. Таким образом, отмечает Хикс, ожидаемые события будущего имеют две временные шкалы - собственно календарную (абсолютную) и по отношению к текущему настоящему (относительную). Вряд ли можно надеяться на то, что эти шкалы выводят на одинаковые и неизменные во времени ожидания.

Кейнс обошел эту трудность тем, что рассматривал вложения в постоянный капитал, ожидания относительно которого выходят за рамки одного года. Это вполне корректно, но для полного понимания механизма одновременного мультипликатора надо "покопаться" в том, что происходит в течение года.

Для этого Хикс предлагает еще раз вернуться к методу равновесия. Можно попробовать придумать модель со сбывшимися ожиданиями. Но такая модель не может быть реалистичной уже потому, что если и поменять в ней экзогенный параметр - инвестиции, то любые ожидания оказываются беспочвенными, т.к. потому параметр и называется экзогенным, что его изменения - не ожидаемы, а раз ожидания нерациональны, то и равновесие - не достигается, оно просто отсутствует. Кроме того, модель, в которой ожидания всегда сбываются и в этом смысле очень рациональны, совершенно не требует денег, ликвидности как средства реагирования на неожиданные события.

Третья часть теории Кейнса касается как раз предпочтения ликвидности и здесь проблем с причинностью еще больше. Сам Кейнс постоянно подчеркивал, что предложение денег представляет собой запас и его связь с процентом - это "запасовая" связь, относящаяся к моменту времени, а не к периоду. Как же ее можно соединить с другими связями, относящимися к периоду?

По мнению Хикса, это та же проблема, с которой столкнулась старая количественная теория денег, которой пришлось ввести "скорость" как своеобразный мост между запасом денег и потоком благ. Есть ли такой "мост скорости" в кейнсианской теории? Похоже, что нет, считает Хикс (р.83). Как можно построить схему спроса на деньги, которая сохранит силу на весь период под обычным условием "неизменных прочих"? Ведь по построению такая схема всегда привязана к точке во времени, а не периоду. И даже если баланс активов и пассивов на 1 января сбалансирован с учетом ожиданий на 1 апреля, с наступлением 1 апреля он перестает быть сбалансированным (р.84). Поэтому здесь трудно применить метод равновесия, ведь существенной характеристикой ликвидности является как раз ожидание неопределенности.

Ожидания, сформировавшиеся в январе, и относившиеся к апрелю, были "неопределенными" ожиданиями. Но когда апрель наступил, "неопределенность" исчезла. Невозможно в настоящем избежать трансформации "неопределенности" в "определенность". По этому критерию прошлое и будущее неустранимо различны, а потому метод равновесия в случае ликвидности в течение периода не может быть применен (р.85).

Третья часть остается слабой в конструкции, хотя сама эта часть едва ли не важнейшая. Ликвидность чужеродна концепции равновесия, а потому и одновременной причинности. Она должна играть самостоятельную роль (р.86).

Лишь теперь, фактически в конце книги, Хикс возвращается от статической и одновременной причинности к последовательной. Несмотря на кажущуюся простоту и логичность, в экономике последовательная причинность для него случай еще более сложный, чем одновременная причинность. Это связано с тем, что в цепях причин и следствий имеются решения - и как причины, и как следствия (а вместе с последним обстоятельством - проблема причин решений). Отсюда необходимость различения двух лагов (и двух шагов) - (1)предваряющего решение и (2)последующего за решением. И хотя общий лаг представляет собой их сумму, каждый из них поднимает совсем разные проблемы (р.88).

Вот несколько примеров. Пусть теперь потребительская функция рассматривается в версии Кана, т.е. как последовательная во времени. Увеличение дохода выступает как причина, а увеличение потребления - как следствие. Если благо - не длительного пользования, просто лежащее в магазине, то последующим лагом можно пренебречь, хотя предваряющим - не всегда. Если благо - длительного пользования, как, например, дом, который еще предстоит построить, то рассматривать надо оба лага.

Другой пример - "скачок издержек". Если производитель поставляет продукцию по текущим ценам, то рост издержек он сразу может перенести на цену продукции, т.е. последующий лаг может быть коротким. Но вот примет ли он такое решение - повышать цены сразу после роста издержек? Он может найти более безопасным делать это с оглядкой на возможное поведение конкурентов (отечественных и зарубежных), правительства, которое может внести изменения в экспортно-импортную политику. Совсем не обязательно решением производителя будет быстрый подъем цены (р.89).

Первый пример - следствие, выражающееся в количестве блага, второй - следствие, выражающееся в его цене. Обычно в экономике встречается одно из этих следствий. В любом случае последующий лаг - весьма ясен и зависим от решения, хотя и не полностью (его "управляемость" всегда ограничена воздействием экзогенных факторов). Предварительный же лаг - вещь гораздо более хитрая. Объективная причина - это только "сигнал", а реакция может быть быстрой или медленной. В моделях экономистов когда-то использовалось одновременно много императивных сигналов и, возможно, в то время это было реалистичным. Тогда-то и вошло в привычку говорить о "ценовом механизме". Но когда все сигналы - императивны, тогда действия агентов становятся всего лишь "механическими" (р.90), в них ничего не остается от человека.

Может быть, пишет Хикс, это годится для описания поведения рабочего, живущего на одну зарплату, получаемую еженедельно. Капиталист же может реагировать на "сигнал" гораздо гибче, для него он не так императивен. Но даже и для рабочего "сигнал" может быть неимперативен. Например, если он представляет собой увеличение дохода, рабочий не обязательно будет больше тратить.

Отсутствие резервов, каковыми являются ликвидные активы (или возможность их быстро занять), представляет собой ограничение свободы. Ясно, что любое лицо, принимающее решение, будет стараться избежать этого. Поэтому в современной экономике большинство лиц, принимающих решения, имеют резервы. Следовательно, они не отвечают на "сигналы" автоматически, "механически". Даже если сигналы настойчивы, всегда есть время на реакцию (р.91).

Причем не обязательно резервы имеют финансовую форму. Это могут быть, например, запасы не проданной продукции. Простой пример: если спрос увеличивается, то это выражается и в росте продаж. Но для этого нужны запасы. Если их нет - растет число заказов. Продавец может думать - то ли пополнять запас, то ли расходовать его дальше, т.е. ответ предложения на спрос - это проблема интерпретации (является ли изменение спроса устойчивым или нет). Могут даже появляться "циклы реакции" - "хорошие" или "плохие" и модели таких циклов, но Хикс здесь повторил свой вывод из работы [16, р.102]: "мы не можем описать поведение разумного делового менеджмента каким-либо простым правилом" (р.92).

Всю эту аргументацию можно повторить для случая снижения спроса. В этом случае наличие финансовых резервов позволяет дольше оказывать сопротивление неблагоприятному изменению, хотя и не снимает необходимость в конце концов отреагировать.

Если ввести в рассмотрение новые возможности агентов, то это позволяет провести дальнейшие разграничения: 1) восприятие самих возможностей, их распознавание и осмысление в качестве таковых (это, прежде всего, вопрос информации и методов ее обработки); 2) использование возможностей, которое может происходить намного позже, чем они осознаны (это уже - во многом вопрос переговоров с самыми различными контрагентами, прежде всего - владельцами ликвидных активов).

Наиболее очевидный случай - потребность в капитале для начала нового производственного процесса. Здесь наличие свободных финансовых ресурсов позволяет не терять время на переговоры. То же можно сказать о земле, о специализированном труде (например, управляющих определенного профиля) и других привлекаемых ресурсах. Все это даже в "свободной" экономике требует времени, а в "социализированной" экономике к этому добавляется время на получение лицензий и т.п. (р.93).

Возвращаясь к ликвидности, можно сказать, что она всегда дает возможность расширения, экспансии, но эта возможность не обязательно переходит в действительность (р.94). По мнению Хикса, кейнсианская теория в части связи предложения денег и ставки процента - всего лишь частный случай ликвидности. Общая же концепция ликвидности гораздо шире. Сокращая ликвидность, фирма сокращает свободу, рискует своими возможностями. Причем,

в отличие от Кейнса, Хикс полагает, что ликвидность в принципе гораздо важнее вне финансовой сферы, поскольку вне этой сферы обеспечение гибкости дается с большим трудом³⁴.

В случае финансовых фирм их защита от неопределенности снижает ликвидность, но здесь возможны операции с малыми количествами, а потому вполне возможны "предельные соглашения" (которые Кейнс и имел в виду, говоря о предельной производительности капитала).

Но для нефинансовой фирмы ликвидность далеко не всегда сводится к "предельному соглашению". Есть и сезонные пики платежей, и разовые инвестиции, которые особенно сильно сокращают сферу свободы, покрываются ли они из собственных финансовых средств или за счет кредитов. В любом случае ликвидность здесь - проблема не столько "предельного соглашения", сколько степени независимости. Поэтому было бы ошибкой думать о ликвидности у производителей только в терминах прибылей и потерь.

В этом, по мнению Хикса, Кейнс ошибался больше всего. Было очень ошибочно думать, что инвестиции управляются ставкой процента (р.96), что инвестиции всегда поднимаются на столько, на сколько это "требуется" воздействием ставки процента. По сути, эта ставка - всего лишь индекс ликвидности и не всегда и во всех смыслах совершенный индекс.

Одна из задач Хикса в данной работе состояла в том, чтобы показать, что споры теоретиков - "классиков", "неоклассиков", "кейнсианцев", "посткейнсианцев", "монетаристов" и даже "неомарксистов", - ставшие столь бесплодными, принимают иную окраску в свете причинного подхода к экономической теории. Если есть три различных типа причинности в экономике, то есть, или могут быть, соответствующие теории.

Статической причинности соответствует статическая теория. Эта часть теории развита наиболее полно, но именно в ней остается больше всего "неудовлетворительного", поэтому поле ее применения такое узкое. Вопросы, решаемые с ее помощью, не могут быть острыми.

Одновременной причинности соответствует в макроэкономике кейнсианская теория (формальная), а в микроэкономике - теория Маршалла, также хорошо развитая (и которая понималась бы лучше, если бы не смешивалась так часто со статической теорией). Значительная часть практических проблем, относящихся к одновременной причинности, имеет прямое отношение к опыту, что и предопределило успех кейнсианской теории и доминирование одновременной причинности в современной экономической теории (р.101)³⁵.

Завершая рассмотрение ликвидности, а вместе с ней, по сути, и всей работы, Хикс отмечает, что темп роста зависит не только от ликвидности и отношений финансового и промышленного секторов. На практике много времени может тратиться на переговоры с профсоюзами и с правительственными учреждениями. Однако из этого отнюдь не следует, что наибольшая скорость будет достигаться во взятой из учебников "свободной" экономике ("laissez-faire economy"), состоящей из множества малых фирм, предоставленных самим себе. Время на передачу улучшения от одной фирмы к другой может быть при этом очень значительным. Поэтому не исключено, что лучшим способом иметь высокий темп роста было бы иметь крупные фирмы, причем достаточно большие, чтобы держать в своем кармане и профсоюзы, и правительство. Неприятный вариант! Большинство людей, думается, пожертвовали бы частью темпа роста, чтобы избежать этого (р.102).

На этом Хикс заканчивает изложение системы своих взглядов на причинность в экономике. При их пересказе была сделана попытка избегать комментариев. Теперь же, наоборот, основное внимание будет уделено чему-то вроде комментариев без обильного цитирования или повторного пересказа мыслей Хикса.

³⁴ Плодотворность этой идеи для дальнейшей разработки проблемы ликвидности была отмечена и в последней монографии Л.Боланда [10, р.139].

³⁵ См. ниже пятый комментарий.

2. Комментарии

Первый комментарий касается периодизации причинности на "старую" и "новую". "Новая причинность" не искоренила субъекта, хотя вроде бы и претендовала на это, а как бы вывела его "над линией", причем таким образом, что без его присутствия (в лице теоретика, "объяснителя") и сама "линия" ($A \rightarrow B$) оказывается невозможной. Теоретик пытается дать причинное объяснение, создавая ситуации "без события А" (причины) и "без события В" (следствия), а потому выступает как сверхъестественный субъект, творящий "иные миры", альтернативную действительность.

Но преемственность "старой" и "новой" причинности этим не ограничивается. Сама операция "вычтания" из реальности А и В ограничивает сферу объяснения только событиями и их связями. Фактически импликация $A \rightarrow B$ считается (понимается) не как "явление А - причина явления В", а "*появление А - причина появления В*".

Повышенное внимание к экзистентным изменениям (от лат. *existo* - существовать) - появлению и исчезновению вещей - само по себе возражений не вызывает, скорее, наоборот. Но в начале работы упоминалась и другая традиция причинного объяснения, ориентированная непосредственно на вещи и их свойства. Разница уже пояснялась на примере капли как феномена, "событийное" объяснение которого должно вывести на причину появления этой капли именно в этом месте и в это время. "Свойственное" объяснение того же феномена должно вывести на причину "круглости" всех капель, их выпуклости (шарообразности).

Вряд ли есть смысл пытаться свести один тип объяснения к другому. Появление (исчезновение) вещи и вещь - "две большие разницы". Еще Аристотель заметил, что невозможно появление появления ("возникновение не будет возникновением возникновения" [1, т.3.с.165]). Как уже отмечалось в начале статьи, в нашей научной традиции больше внимания уделяется "свойственной" причинности. Отсюда - столь привычный ход мысли от явления (свойств) к сущности как способу объяснения. А уже на уровне сущности - связь причин и следствий, их взаимные переходы, объективные законы и т.п. При этом специфика экзистентных изменений (вслед за Гегелем, Энгельсом и др.) учитывается в гораздо меньшей степени, чем даже у Аристотеля. Об этом можно судить по тому, что как равноправные иллюстрации переходов количественных изменений в качественные без особых оговорок указанными авторами приводились и *изменения агрегатных состояний вещей с изменением их температуры, и различия свойств веществ со сходными, но все же различающимися формулами их химического строения*³⁶. Впрочем, если в центре внимания - свойства вещи, а не событие (её появление), то такая односторонность вполне закономерна и даже неизбежна. Лишь бы последователи такой традиции не претендовали на универсальность своего подхода.

Английская же научная традиция, как это видно на примере Хикса, "грешит" противоположной односторонностью. Причем особенно хорошо это видно по тем страницам в методологической части работы, где он как бы выводит "одновременную" причинность из "последовательной". При этом событие В, по поводу которого одновременные события A_1 и A_2 только и рассматриваются вместе и во взаимных отношениях, как-то незаметно исчезает из рассуждений, как бы выполнив роль "козла-провокатора" (или топора, из которого бывалый солдат варил суп). После этого, как уже отмечалось, "статическая" причинность рассматривается как вырожденный случай "одновременной", уже без всяких упоминаний о "событии В". Дальше эта "статика" понимается как простейший случай причинности в экономической теории (при использовании "экономического принципа" как инструмента причинного объяснения поведения экономических агентов), от которого как бы в обратном порядке осуществляется переход к "последовательной" причинности, вроде бы исходной для науки вообще, но самой сложной - для экономической теории.

³⁶ См. подробнее [5, гл. 2].

Между тем, "статическая" причинность больше всего похожа на нашу "свойственную" причинность. А потому вряд ли есть необходимость пытаться "свести" ее к "последовательной".

Второй комментарий касается "взаимной" или "одновременной" причинности, при объяснении которой Хикс ссылаясь на Канта. Можно отметить, что Хикс "не пошел" от "прибрежника" Канта к "континентальнику" Гегелю, который взаимную причинность толковал иначе - как циклический процесс, в котором причина и следствие, представляющие собой события разных классов, разных типов постоянно меняются местами, воспроизводят друг друга. Отсюда - довольно прямой путь к логическому описанию воспроизводственных процессов в экономике³⁷, столь привычному в отечественной литературе.

Но в эту сторону "не пошел" не только Хикс, но и все течение экономической теории, которое сейчас понимается как основное ("mainstream"). В западной экономической науке анализ воспроизводственных процессов на протяжении многих десятилетий уходил на периферию научной жизни, а сам термин "воспроизводство" даже исчез из учебников, тогда как у нас эта тема является исходной для любых теоретических построений.

Можно высказывать самые разные гипотезы для объяснения такой "дивергенции" - идеологические, онтологические, гносеологические. Например, следуя традициям недавнего прошлого, можно было бы сказать, что от Гегеля к Марксу ведет еще более короткая дорога, чем от Канта к Гегелю (где между ними успели поработать Фихте и Шеллинг). А Маркс - это, мол, пугало для буржуазных экономистов. Однако, в действительности "буржуазные" теоретики сейчас не забывают помянуть это имя в ряду великих ученых прошлого в научных работах³⁸ и даже в учебниках для первокурсников³⁹. Более того, отдавая дань его вкладу в исследование капитала, соответствующий "фактор" обозначается немецкой буквой *K*. Поэтому "идеологической" гипотезе вряд ли следует уделять много внимания.

Онтологическая гипотеза могла бы объяснить "сдвиг" воспроизводственной тематики на периферию науки на Западе стабилизацией воспроизводственных процессов, повышением степени их предсказуемости и даже управляемости. Такая тенденция действительно наблюдается. Призрак Великой Депрессии вроде бы не бродит по США, Европе и другим местам оптимального функционирования рыночной экономики.

Но "сдвиг" в науке начался гораздо раньше, чем в реальной жизни. Поэтому, видимо, особого внимания заслуживает гносеологическая гипотеза. Ее можно сформулировать так: в рыночной экономике, как ни в какой другой из имевшихся в истории, большое значение имеет поведение взаимосвязанных реальных агентов. Фокусировка теоретического внимания на этом предмете исследования, имеющем заведомо локальный характер ("методологический индивидуализм"), как бы автоматически ведет к "расфокусировке" внимания на воспроизводственных процессах, по необходимости глобальных. Конечно, проблема общего равновесия остается одной из обязательных в теоретическом наборе, но, во-первых, как вторичная по отношению к поведению "реальных агентов" и, во-вторых, "равновесие" при этом продолжает оставаться "условно-общим", если так можно выразиться.

Третий комментарий касается "экономического принципа": если у человека (субъекта) появляется возможность улучшить свое положение, он эту возможность использует. Хикс подчеркивает, что такое поведение наблюдается, хотя и не всегда. Но почему люди ведут себя "экономически"? Этот вопрос из той же серии, что и "почему капли круглые?", т.е. он соответствует "свойственной" парадигме причинности и не соответствует - "событийной". Хикс и не задает его в данной работе.

Между тем, вопрос этот заслуживает внимания по нескольким причинам. Во-первых, стремление к совершенству (или к улучшению) не является отличительной чертой именно экономического поведения. Более того, вряд ли экономика представляет собой наилучшее

³⁷ "Производство→потребление→...", "производство→обращение→потребление→..." и т.п. формулы.

³⁸ См., например, коллективную монографию [18], выпущенную уже в 90-е гг., в пост-советскую эпоху, в которой есть главы, написанные такими авторитетными методологами, как Самуэльсон, Баумоль, Блауг.

³⁹ См., например, [7, с.18].

поприще для реализации этого стремления. Хотя бы потому, что в этой сфере стремление каждого ограничено такими же стремлениями других, не говоря уже об ограниченности внешних ресурсов (тогда как есть сферы, где эти ограничения практически отсутствуют, например, в искусстве, науке). Настаивание на экономическом "первородстве" стремления людей использовать предоставляющиеся возможности ведет к феномену "экономического империализма", о котором методологи на западе пишут довольно активно⁴⁰.

Во-вторых, возможность улучшения - вещь настолько неопределенная, что внешний наблюдатель никогда не может быть уверенным в том, что он точно знает, что именно выступает как улучшение для агента, чье поведение он наблюдает. Сам Хикс на последних страницах гл. VII дает пример, иллюстрирующий эту проблему. Имеется в виду дилемма возможности роста благосостояния при "карманном" правительстве с одной стороны и большей свободы поведения индивидов в сфере экономики при менее быстром освоении технологических инноваций - с другой. Толика свободы и кусок масла выступают при этом как альтернативные ценности или даже издержки (opportunity cost), что не вписывается в традиционную трактовку системы ценностей при описании поведения потребителя.

Фактически, когда формулируются базовые предположения о поведении потребителя, речь идет о чем-то большем, чем ничем не ограниченное предпочтение большего количества любого блага меньшему. Просто нелогично предполагать одновременно ограниченность ресурсов и неограниченность потребности в них в рамках одного, отдельно взятого периода времени.

Дело в том, что ограниченность ресурсов, предполагаемая экономической теорией, с философской точки зрения интерпретируется как их определенность - качественная и количественная - как отдельных вещей. Естественным дополнением этой ограниченности-определенности каждой отдельно взятой вещи является неограниченное разнообразие самих вещей и неопределенность будущего. И то, и другое (и разнообразие, и неопределенность) в современной экономической теории вводится, но только на так называемом продвинутом уровне, а не с самого начала.

Между тем, неопределенность будущего уже сама по себе порождает потребность в создании запаса, альтернативную дополнительному удовольствию. Причем потребность заведомо не насыщаемую, если будущее действительно неопределенно. Это снимает необходимость предполагать ненасыщаемость текущих потребностей для действия "экономического принципа". Просто в случае насыщаемости таких потребностей рациональный субъект минимизирует затраты на их удовлетворение и, следовательно, максимизирует свободу действий на будущее.

Иначе говоря, предположив ограниченность каждого определенного ресурса, необходимо, если быть последовательным в проведении взятой линии, предполагать определенность, а потому и ограниченность, потребности в этом же ресурсе в рамках одного, отдельно взятого периода. Фактически за предположением о ненасыщаемости потребности скрывается другое - о возможности и целесообразности создания запаса на неопределенное будущее. Можно сказать, что за гипотезой о "максимизационном поведении" экономического агента и, шире, за экономическим принципом лежит фундаментальная дилемма определенности настоящего и неопределенности будущего, так или иначе осознаваемая экономическими агентами.

Получается так, что неопределенность будущего в имплицитной, скрытой форме присутствует не только в деньгах, о чем писал Хикс, но и в самом экономическом принципе. А ведь именно эта пара лежит в основе стандартной задачи микроэкономики о поведении экономических агентов: максимизация целевой функции при заданном в денежной форме ограничении на расходы. Значит, определенность получаемых результатов решения подобных задач - кажущаяся? Не связаны ли трудности введения в экономическую теорию понятия не-

⁴⁰ См., например, [2].

определенности⁴¹, с тем, что такое явное введение неопределенности наталкивается на уже имеющуюся ее неявную введенность? Может быть, проще, логичнее и даже "эмпиричнее" сразу вводить ее в явной форме? Но тогда, вероятно, потребуется как-то комбинировать привычную для английской традиции "событийную" причинность с более привычной для нас "свойственной" причинностью. Ведь неопределенность - это именно свойство, а не событие.

Четвертый комментарий касается статистических рядов как однородных агрегатных событий и связанной с ними одновременной причинности. Понятно, что любое агрегирование информации ведет к ее безвозвратным потерям. Это зло неизбежное. Вопрос в другом - допустимо ли это зло при рассмотрении проблемы причинности? В частности, если следовать "событийной" парадигме причинности⁴².

Пока причинность исследовалась как связь событий А и В, которые могут быть, а могут и не быть, речь шла именно об отдельно взятых событиях. Если же, например, А - это агрегат, то что значит "не-А"? Если всего лишь иное значение агрегатного показателя, то сохраняется огромное разнообразие вариантов комбинаций изменений не агрегированных событий, в сумме дающих то или иное значение агрегатного показателя. Получается, что причинные связи на уровне не агрегированных событий сами по себе не дают причинной же связи агрегатов. Это во-первых.

Во-вторых, при агрегировании реальных событий приходится вводить искусственные, внешние по отношению к ним временные координаты (моменты времени, периоды). На эту искусственность обращал внимание и Хикс, когда отмечал возможность отодвигать проблему причинной значимости запаса на начало периода сдвигом "влево" по шкале времени самого начала (см. выше, в изложении гл. V). К этому можно добавить, что введение внешних временных перегородок деформирует реальные причинные связи между событиями, делая одни из них искусственно одновременными (просто потому, что они попали в один период, хотя и в разные его части), а другие - столь же искусственно разнесенными в разные (во времени) агрегаты, связи между которыми вообще не рассматриваются (разве что через изменения запасов на конец и начало периода).

В-третьих, проблема, которая сейчас рассматривается, не является экономической. Хотя термины "потоки" и "запасы" прочно вошли в обиход экономистов только в XX веке вместе с системой национальных счетов, все мы с ними хорошо знакомы по школьным задачам о бассейнах и трубах. Потоки и запасы нетрудно обнаружить и в биологических процессах. Однако, похоже, экономисты пока не спешат переходить от физических аналогов к биологическим. Об этом можно судить по тем попыткам соединить "запасовую" и "потокую" причинности, которым так много внимания уделено в книге "Причинность в экономической науке".

При этих попытках агрегатные потоки и запасы (благ и ценностей) представляют собой единственную эмпирическую реальность. Их система больше всего напоминает систему сообщающихся сосудов (только без самих сосудов и соединяющих их труб). Между тем в биологии потоки и запасы - это характеристики обмена веществ некоего тела (или системы тел) с внешней средой. Здесь мы опять выходим на различие "событийной" и "свойственной" причинности, на необходимость различать события, происходящие с вещами, и сами вещи.

Фактически, в макроэкономике мы имеем дело с некоей вещью, социальным организмом (скажем так), осуществляющим обмен веществ с природой при посредстве сознательной деятельности экономических агентов. Идеалы методологического индивидуализма могут заставлять закрывать глаза на эту реальность. Но вместе с нею выпадает и большой кусок причинных связей между событиями, остающимися в поле зрения "методологических индивидуалистов".

⁴¹ Которую Хикс предлагает, вслед за многими другими, начиная с Найта [17], четко отличать от вероятностной определенности (р.107).

⁴² В рамках "свойственной" парадигмы даже средняя температура по больнице может содержать значимую информацию, если она отклоняется от нормы.

Можно также отметить, что альтернативой "методологическому индивидуализму" совсем не обязательно должен быть "методологический коллективизм". Та же биология дает пример совсем другого характера отношений между индивидами и видом, когда коллектив как опосредующее звено может отсутствовать. При этом и индивиды, и вид остаются несоответствующими формами реальности. Разными вещами, если так можно выразиться (вид не есть агрегат однородных индивидов - ни "запас" их на определенную дату, ни "поток" в рамках определенного же интервала времени). В этом случае уместнее говорить о "методологическом тоталитаризме", уже упоминавшемся в начале статьи.

Пятый, самый короткий комментарий, хотелось бы посвятить последней идее Хикса - о связи разных типов причинности с разными типами теорий. Напомним, что статическую причинность он связал со статической теорией ("классикой"), одновременную - с теориями Кейнса (в макроэкономике) и Маршалла (в микроэкономике). Открытым он оставил два вопроса: 1)какой теории соответствует последовательная причинность - предмет его особых забот и надежд; 2)какой причинности соответствует теория, названная им "неомарксизмом"? Возможно, ему не очень хотелось давать на два вопроса один ответ, который вроде бы подсказывался многими его собственными высказываниями (в частности, об историческом характере динамики в экономике, о пограничном, естественноисторическом характере экономики).

Во всяком случае, открытость ответа оставляет некоторый шанс ученым, в той или иной мере и форме исповедующим марксизм, на плодотворное участие в дальнейшем развитии экономической теории. Видимо, Хикс, как и положено экономисту, не хочет терять ни одной благоприятной возможности (opportunity) для извлечения выгоды (в данном случае - интеллектуальной). Может быть, такая позиция одного из патриархов экономической науки подвигнет кого-то из наших марксистов на включение в современную дискуссию о причинности в экономике без насилия над собой, без разрыва со своим прошлым?

Наконец, в заключительном комментарии хотелось бы еще раз затронуть тему неопределенности, сквозную в монографии "Причинность в экономической науке". При всем внимании к этой теме, уделенном Хиксом, остается впечатление, что неопределенность для него - что-то вненаучное, находящееся за пределами объяснения (во всяком случае, объяснения через "событийную" причинность: почему случилось?). С этим связано и его определение экономики как отрасли знания, находящейся на периферии науки, и понятие "неопределенного знания".

Признавая высокую степень фрагментарности знания, особенно в экономике, он все же считает, что не существует событий, которые невозможно попытаться объяснить, т.е. указать причину его появления. Такой подход, вполне логичный в рамках "событийной" причинности, выводит из сферы подлежащих объяснению спонтанные, самопроизвольные, беспричинные события. Таковые встречаются уже в физике. Достаточно упомянуть явление самораспада атомов радиоактивных изотопов. Как известно, для его объяснения используется "свойственная" причинность, которая отнюдь не претендует на то, чтобы объяснить, почему именно этот атом самопроизвольно разделится именно в этот момент (период) времени⁴³.

Экономика как наука имеет дело с людьми, чья способность к самопроизвольным действиям вряд ли может игнорироваться без фатальных последствий для самой науки. При таком игнорировании вряд ли можно обнаружить существенные различия между "экономическим принципом" и "стремлением" капель к шарообразности - минимизации поверхности при заданном объеме, как объяснительными принципами "поведения" наблюдаемых предметов. Хотя в книге Хикса свобода выбора постулируется в гл. I, при возврате к этой теме в гл. VII ему приходится больше говорить о времени реакции субъектов на событие, о пороговых (граничных) значениях переменных, требующих изменения ожиданий, чем о свободе выбора или решений. Иными словами, неопределенность как свойство поведения экономических

⁴³ Ещё более красноречивый пример из биологии - спонтанная мутация генов при воспроизводстве индивидов, которая выступает как средство приспособления вида к неопределённо меняющимся условиям его существования.

агентов, как существенная характеристика свободы этого поведения здесь не обсуждается. Если такое усечение отражает реалии рыночной экономики, надо перестать поминать всуе свободу выбора. Если же нет - с неопределенностями, со спонтанным поведением надо работать "внутри" науки. Европейская традиция, связанная с именем Б.Спинозы, уделяет большое внимание спонтанности, самопричинности (*causa sui*). Довольно прочные корни эта традиция имеет и в России, причем как раз в связи с активностью человека, в том числе и в экономической жизни. Для напоминания об этой традиции выше уже приводились слова С.Булгакова о прерываниях механических последовательностей причинности точками "абсолютно-индивидуальных" решений.

В целом, как представляется, более плодотворным, чем соединение "потоковой" и "запасовой" причинности, является синтез чего-то вроде их аналогов на более глубоком уровне - "событийного" и "свойственного" подходов к причинности, которые в экономической науке пока что существуют как бы параллельно, независимо друг от друга. О желательности такого синтеза свидетельствует, в частности, то, что, начав с "событийной" причинности, Хикс довольно быстро перешел к "статической" причинности, а Маркс, начав со "свойств" товара, так же быстро перешел к метаморфозам (Т-Д; Д-Т). О возможности же такого синтеза свидетельствует объективное существование предметов, представляющих собой одновременно и вещи (со своими свойствами), и последовательности событий. Имеются в виду циклические процессы, в т.ч. и процессы воспроизводства, привычные для экономистов классиков вообще и для К. Маркса в особенности. Вспомним хотя бы его формулу: Д-Т-...П...-Т'-Д' (см. подробнее [6]).

В комментариях к гл. III эта тема уже затрагивалась. К сказанному можно добавить, что речь сейчас не может идти об отказе от "методологического индивидуализма" в пользу возврата к "воспроизводственной парадигме", игнорирующей специфику человеческой деятельности. И то, и другое (и третье, и четвертое...) - для экономиста, скорее, не символы веры, а что-то вроде сменной оптики со своими техническими характеристиками, разрешающей способностью. Учитывая, что полунатуральный характер российской экономики будет сохраняться довольно долго, можно предположить, что современные модификации "воспроизводственного подхода", опирающегося на континентальную традицию мышления еще послужат нашей науке и, как знать, пригодятся для анализа постиндустриальных, пост-рыночных реалий экономики мировой.

Литература

- 1 Аристотель. Физика, Соч. М., 1981.Т.3.
- 2 Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных систем, зима 1993 Т.1, Вып.1.
- 3 Булгаков С.Н. Философия хозяйства, М., 1912.
- 4 Гегель Г. Энциклопедия философских наук, М., 1977.
- 5 Гребнев Л.С. Философия экономики, М., 1991.
- 6 Гребнев Л.С. Предметный мир экономистов: между чувственным и сверхчувственным. Вопросы экономики, 1993, №4.
- 7 Макконнелл К., Брю С. Экономикс, М., 1992.Т.1.
- 8 Маршалл А. Принципы экономической науки, М., 1993. Т.1.
- 9 Хикс Дж. Стоимость и капитал, М., 1988.
- 10 Boland L.A. The principles of economics: some lies my teachers told me, 1992.
- 11 Boland L.A. 'A critique of Friedman's Critics' (1979) // Appraisal and criticism in economics. - ed.by Caldwell V.J., 1984.
- 12 Friedman M. Essays in Positive Economics, 1953.
- 13 Hicks J.R. Economic Perspective, 1977.
- 14 Hicks J.R. Capital and Growth, 1965.
- 15 Hicks J.R. The Economics of John Hicks, 1984.
- 16 Knight F.H. Risk, Uncertainty and Profit, 1921.
- 17 Marx and Modern Economic Analysis, ed. by G.A.Caravale, 1991.
- 18 Mayer Th. Truth versus Precision in Economics, 1993.
- 19 McCloskey D. The Rethoric of Economics, 1985.

- 20 Mirowski Ph. *Against Mechanism: Protecting Economics from Science*, 1988.
- 21 Mirowski Ph. *More Heat than Light: Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics*, Cambridge University Press, 1989.
- 22 Nagel E. *The Structure of Science - Problems in the Logic of Scientific Explanation*, 1961.
- 23 *Non-Natural Social Science: Reflecting on the Enterprise of More Heat than Light*// Annual supplement to vol. 25 *History of Political Economy*, ed. By N.de Marchi, Duce University Press, Durham and London, 1993.
- 24 *Post-Popperian Methodology of Economics: Recovering Practice*, ed.by N.de Marchi, 1992.
- 25 Samuelson P.A. *Some Notions on Causality and Teleology in Economics // Cause and Effect. The Hauden Colloquium on Scientific Method and Concept.* - ed.by D.Lerner, 1965.
- 26 Shackle G.L.S. *Business, Time and Thought*, 1988.